Мне очень трудно писать о моей сестре, потому что её уже нет в живых. И хотя умерла она с честью, как умирают герои, но всё-таки это была моя родная сестра и её уже больше нет.
Я не сразу узнал, что Таня – это и есть моя сестра Зоя. На снимке она не очень похожа. Но когда я читал статью в газете, у меня сжалось сердце и я подумал, что вот, наверное, Зоя вела бы себя так же: она перенесла бы все пытки и мучения, но не выдала бы. Но тогда я ещё не знал, что Таня и Зоя – это один человек.
Зоя не сказала мне, что она уходит в партизаны. Она мне вообще ничего не сказала, когда уходила, хотя она была мой друг. Она считала, что никакая дружба не может заставить сказать то, о чём надо молчать. Она всегда была такой: если она дала слово молчать, из неё клещами слова не вытащишь. Это я знал.
Я хочу рассказать о ней по порядку, хотя это трудно. Мы ведь с ней были вместе все годы. И сейчас не вспомнишь всего.
С нулевой группы и до последнего года мы учились в одном классе. Мы вместе стали октябрятами и вместе вступили в пионерский отряд. Только комсомолкой она стала раньше, чем я, она была старше меня – мне не хватало лет.
Я помню, что её всегда уважали ребята. Даже когда она была совсем маленькой. Её всегда выбирали. Она была вожаком звена, председателем совета отряда, последнее время – комсомольским групоргом в нашем классе.
Она была очень прямым человеком и, если считала, что кто-нибудь не прав, всегда говорила ему это в лицо, не таясь, не хитря и не боясь, что её за это могут невзлюбить. И, когда выступала на собраниях, всегда очень прямо говорила то, что думала.
Я её очень хорошо знал, но что меня в ней удивляло, это её настойчивость. Вот, например, она очень не любила математики, просто ей не давались точные науки. Но не было случая, чтобы она получила по математике меньше, чем «отлично». В классе никто этому не удивлялся – она почти всегда получала отличные отметки. Но я-то знал, чего ей стоили эти «отлично», я-то видел, как она ночами сидела над алгеброй или геометрией и ни за что не хотела, чтобы ей помогли – «сама додумаюсь». А наутро получала «отлично».
Но зато литературой она очень увлекалась и книг проглатывала несметное количество. Ей нравился «Овод» Войнич, и она даже плакала, когда читала его, хотя вообще плакала редко и не любила, чтобы видели её слёзы. Она ясно видела цель своей жизни. Она как-то спросила меня:
— Ты понимаешь, Шурка, зачем люди на земле живут?
Я в ответ стал философствовать, а она говорит:
— Цель жизни каждого отдельного человека – счастье народа.
Во время войны она немного переменилась, не знаю, как точнее передать это: она постоянно была как бы недовольна собой. Мы с ней вместе ездили на трудовой фронт,

копали картошку. Но ей этого было мало. У нас на улице висел плакат – «Что ты сделал для победы над врагом?» Она, как посмотрит на него, всё говорит:
— Ну что же я-то сделала для фронта?
Мама всё её успокаивала:
— Как же, Зоя, вот ты картошку копала. Картошка-то ведь тоже на фронт идёт.
А она всё то же говорит:
— Ох, как это мало, мамочка. Это всё не то… Я могу больше.
Ни с кем она не советовалась. Решила про себя, обдумала всё, и кончено. Никто уж не мог её переубедить. Она сказала маме: «Ухожу на фронт». Мама знала, что это твёрдо, и только спросила:
— Зоя, ты не мальчик, ты девушка. По плечу ли тебе такое дело?
Она ответила:
— Мамочка, я решила, не отговаривай, ты ведь знаешь меня.
Мама собрала её, проводила.
Она прислала нам три письма-записочки. Очень короткие. «Жива, здорова, целую» — в таком роде. В последнем, правда, написала, что выполнила одно серьёзное задание и, может, приедет отдохнуть. Но не приехала. Её замучили и убили немцы. Об этом писать не могу.
Она была настоящим человеком, настоящей комсомолкой. Я пишу это не потому, что она мой друг и моя сестра. Потому что она была такой и в жизни и в смерти своей.

ШУРА КОСМОДЕМЬЯНСКИЙ
(дата неизвестна, предположительно февраль-май 1942 г.)